

Часто на протяжении истории человечества если бы не миф, сложенный вокруг того или иного события, о нём, быть может, давно бы забыли. Так обстояло дело и с одним из самых известных событий новейшей истории под названием «штурм Бастилии», свершившимся 14 июля 1789 года.

По легенде, штурм этот и стал запалом Великой французской революции, которая, как пишется в справочниках, «завершила эпоху деспотизма и возвестила людям Свободу, Равенство, Братство». Начиная с 1880 года день взятия Бастилии объявлен национальным праздником. С тех самых пор, празднуя годовщину падения «цитадели деспотизма», 14 июля традиционно проходят парады военной техники, а сам господин президент Французской Республики, чей кортеж торжественно движется по Елисейским полям от Площади Согласия к Площади Звезды, приветствует и поздравляет сограждан. Затем глава Французского государства принимает поздравления от глав других государств, даёт бал и праздничный банкет в Елисейском дворце.

А вечером лопаются звёзды фейерверков не только в Париже, но и по всей Франции. В каждом, даже самом малом городишке или деревеньке проводятся торжественные мероприятия – минуты памяти, ярмарки, парады, из динамиков звучит праздничная патриотическая музыка и, конечно, «Марсельеза». Повсюду реют трёхцветные флаги, городские улицы украшены гирляндами и транспарантами с лозунгом VIVE LA FRANCE!

А веселее всего на знаменитых «балах пожарников». Поскольку именно в пожарных депо идут танцы до упаду под духовой оркестр. А в эпицентре всего – всемирно известная парижская площадь, где до 1789 года высилась знаменитая на весь мир тюремная крепость.

Главы из учебников, рассказывающие об этом судьбоносном для всего человечества событии, из года в год старательно заучивают школьники всего мира. И на страницах всех этих учебников красуется неизменная репродукция, где восставшие санкюлоты картинно рушат ненавистную цитадель и освобождают сотни (sic!) заключённых, томившихся в темнице.

Однако в реальности взятие Бастилии – история, мягко говоря, неоднозначная. Начать с того, что фактически французский национальный праздник – это праздник Федерации (Fête de la Fédération), окончательно объединивший французский народ 14 июля 1790 года – в годовщину штурма. На Марсовом поле тогда собрались представители французских провинций, которые отпраздновали объединение нации. Лафайет, герой Войны за независимость Соединённых Штатов Америки, дал в тот день торжественную клятву от имени федератов объединить всех французов. Далее король поклялся соблюдать конституцию,

Кира Александровна Сапгир (урождённая Гуревич, 1937-2022) – прозаик, поэт, переводчик, журналист. Жена поэта Генриха Сапгира, племянница журналиста С.Д. Гуревича (гражданского мужа Ариадны Эфрон, дочери М. Цветаевой). Сотрудничала с газетой «Русская мысль» и с французскими периодическими изданиями. Автор книг «Ткань лжи» (роман-репортаж, Москва, 2000), «Дисси-блюз» (Санкт-Петербург, 2003), «Оставь меня в покое» (Санкт-Петербург, 2003), «Быки и улитки» (Санкт-Петербург, 2007), «Париж, которого не знают парижане» (Санкт-Петербург, 2012), «Мешок тру-ля-ля» (стихи для детей, Санкт-Петербург, 2013), «Париж – мир чудесный и особый» (Санкт-Петербург, 2014), «Двор чудес» (Москва, 2017).

принятому Национальным Собранием. Договор был поддержан единодушно. И будь сегодня уже возможны путешествия во времени, много бы отдала я, чтобы воочию увидеть Талейрана в рясе и при полном епископском параде, благословляющего «Праздник Федерации»!

Но раз уж именно взятие Бастилии заработало статус общепольского праздника, неплохо всё же узнать подлинную историю этого события. Ведь она, история, хотя и движется по проложенной колее в заданном направлении, грузится однако на запасных путях...

ТЮРЬМА КОРОЛЕЙ

Бастилия, крепость в предместье Сен-Антуан на западе столицы, поначалу была составной частью фортификаций, возведённых в XIV веке для защиты Парижа от англичан. Фундамент её был заложен в 1370 году, примерно в середине Столетней войны. Сперва построили две башни, соединённые между собой стенами, которые, в свою очередь, связывали их и с уже имевшимися там укреплениями. Позднее добавили ещё две башни, а в 1383 году Карл IV велел к ним пристроить ещё четыре. Теперь башен в крепости было уже восемь, их соединяли высокие стены, окаймлявшие просторный внутренний двор. Высота стен крепости составляла примерно 23 м. Владевший этой крепостью владел Францией. Увы, в 1418 году, во время Столетней войны, Бастилию захватили англичане и удерживали 18 лет.

В государственную тюрьму Бастилия была официально превращена кардиналом Ришелье к середине 1620-х, хотя первые узники появились там уже при Карле VI (1380-1422).

ТЮРЕМНАЯ «ДОЛЬЧЕ ВИТА»

Стоит объяснить такую деталь тогдашнего французского судопроизводства. Простолюдинов за преступления могли осудить, приговорить к наказанию плетьюми, колесовать, повесить, отправить на галеры, – но аристократ всему этому не подвергался. Зато сынка знатных родителей за беспутный образ жизни, транжирство и пр. могли заточить в крепость без суда и следствия – по просьбе семьи. Для этого король выдавал *lettre de cachet* (письмо с королевской печатью) — изобретение генерал-лейтенанта полиции М.Р.д'Аржансона в годы правления Короля Солнце. Таким письмом по просьбе родичей упрятавали в Бастилию без суда, следствия и объяснения причин непутёвого отпрыска – от греха подальше. А там его содержали в царских условиях! В камере, где «томился» заключённый, на кровати были простыни голландского полотна, топился камин, подавались изысканные яства. Заключённые имели слуг и ходили друг к другу в гости. Да что там – «несчастному» предоставляли даже весёлых девиц, которых беспрепятственно водили в камеру. Мало того: из кармана государства знатым сидельцам выдавались... карманные деньги! Принцу крови выплачивалось 50 ливров в день, маршалу – 36, а уж кардиналу Де Рогану, угодившему в кутузку за пресловутую «историю с ожерельем», платили в день аж... по 120 ливров!

Короче, в «мрачной темнице» заключённый как сыр в масле катался. И, бывало, просил продлить свой срок наказания, дабы «во мраке заточения» скопить некоторую сумму денег, и тюремное начальство шло ему навстречу...

Бастилия предназначалась не только для непутевых барчат, но и для заговорщиков, либо авторов памфлетов против кого-то из высших эшелонов власти. Среди «жертв» комфортабельного узилища в разное время были маршал Жиль де Рэ, герцоги де Гизы. В числе VIP-эзка был и Вольтер – и, само собой, *жутко та-ин-ствен-на-я* Железная Маска!

Незадолго до «незабываемого 89-го» попал в Бастилию и маркиз де Сад, которого не оказалось среди освобождённых 14 июля по чистой случайности. Дело в том, что 4 июля 1789 года буйного маркиза решили перевести в Шарантон – дурдом тюремного типа – за то, что тот стащил где-то переговорную трубу, выбрался на кровлю и обрушил на коменданта Делонэ поток площадной брани. Так вот и не удалось маркизу де Саду продефилировать в триумфальном шествии вечером 14 июля 1789 года плечом к плечу с освобождёнными «жертвами деспотии», общим числом в семь человек... А вот каннибалу графу де Лоржу это удалось – но обо всём этом чуть позже.

С годами Бастилия стала принимать «постояльцев» менее знатных, и ежедневные субсидии соответственно снизились до 2,5 ливров. Тем не менее её содержание существенно расширяло брешь в без того дырявом государственном кошельке. Расходы на Бастилию были такой значительной обузой для казны, что суперинтендант (государственный контролёр финансов) Жак Неккер (1732-1804) решил в целях экономии тюрьму упразднить, а крепость снести.

Ж. Неккера опередила Французская революция. А при этом пороховой искрой стало именно увольнение суперинтенданта. Неккеру тогда удалось сколотить коалицию в Национальном собрании, образованном 9 июля 1789 года, и поставить Людовика XVI в такие условия, что тот вынужден был отказаться от абсолютной монархии и открыть путь монархии конституционной. После чего в глазах черни барон Неккер выглядел реформатором, гарантом конституционных свобод.

С 11 июля люди из окружения суперинтенданта начали распространять слухи о концентрации королевских войск под Парижем. Сам Неккер скрылся в одном из пригородов столицы и оттуда призывал к восстанию. Атмосфера накалялась. Полиция и армия начали переходить на сторону бунтовщиков.

12 июля 1789 года Камилл Демулен произносит в Пале-Рояле свою знаменитую речь, обличающую политику Людовика XVI, предупреждает патриотов о грозящей отечеству опасности и призывает парижан к оружию. Затем, 13 июля, разграблены Арсенал и столичная ратуша (Hôtel de Ville). И вот наступает роковое 14-е июля. В это утро около десяти часов депутатская комиссия во главе с выборщиком Тюрио де ла Росье входит в «неприступную» Бастилию для переговоров с комендантом, маркизом Делонэ, от которого потребовали сдачу гарнизонных пушек.

Этот маркиз слыл одним из самых миролюбивых и любезных людей во Франции. Членов комиссии он принял незамедлительно. Однако пушек бунтовщикам не отдал, хотя и приказал откатить их от бойниц – «дабы не волновать массы». А тем временем черни, которая собралась возле Бастилии, становится скучно. Толпа угрожает, размахивает топорами, жердями, самодельными пиками. А к тому же людей подогревают снующие там и сям провокаторы. В конце концов, вооружившись чем попало, взбодораженная толпа бросается к крепости, чтобы «освободить жертв тирании» – а на самом деле, по мысли главарей, захватить провиант и боеприпасы.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ БАСТИЛИИ

Бастилию охраняли 30 швейцарских гвардейцев и 95 ветеранов-инвалидов. Её служебные помещения – казармы, дом коменданта, кордегардия, кухни, конюшни и каретные сараи располагались вне территории крепости. Все эти здания были захвачены и сожжены вопреки здравому смыслу. И только тогда со стороны гарнизона наконец выстрелили из пушки – дали один-единственный выстрел. Затем послышалась ружейная стрельба. Нападающие вновь отступили.

Когда члены ревкома снарядили двух гонцов в Версаль, командование на себя взял человек из толпы – швейцарец Юлен тридцати одного года, управляющий прачечной в Ла-Бриш близ Сен-Дени. С Неккером он был знаком лично, был его восторженным почитателем. Впоследствии Юлен стал полковником, в 1806 году во время наполеоновских войн был комендантом Берлина. Но в тот час для него всё только начиналось...

И тут маркиз Делонэ решил взорвать вверенную ему крепость. Но когда он с зажжённым фитилём в руках спускался в пороховой погреб, двое унтер-офицеров бросились на него и отняли фитиль. Комендант распорядился сдаться и вывесить белый флаг. Толпа ворвалась в крепость и Делонэ был растерзан.

А спустя без малого 180 лет, 13 августа 1968 года, его потомок – поэт-диссидент Вадим Делонэ (1947-1983) «брал приступом» Красную площадь, протестуя против ввода в Чехословакию советских войск, за что был отправлен в лагерь. Но окончил он свои дни в Париже, эмигрировав в 1975-м. Там он жил неподалёку от площади Бастилии, на бульваре Ришар Ленуар.

ПАЛУА – ВЕЛИКИЙ КОМБИНАТОР

После падения крепости было официально постановлено Бастилию снести, и подрядчик Палуа приступил к работам. Гениальный тип был подрядчик Палуа! Именно он подал идею о строительстве из крепостных блоков моста Революции, а ныне моста Согласия. А каменные осколки тот же Палуа пустил на сувенирные мини-Бастилии (как при разрушении Берлинской стены 200 лет спустя...). Но самое главное то, что Палуа принадлежит великая идея: превратить место, где стояла Бастилия, в огромный танцпол под открытым небом, поставив посередине табличку: «Здесь танцуют и всё будет хорошо» (ici l'on danse, ah ça ira, ah ça ira!).

БАСТИЛИЯ – РОДИНА СЛОНА

На снос Бастилии ушло три года – с 1789 по 1791-й. Но – «свято место пусто не бывает». И в 1808 году Наполеон поручает архитектору Алавану создать на месте сем гигантский фонтан в виде слона (l'éléphant de la Bastille), чтобы увековечить свои победы в Египте. На фонтан должна была пойти бронза перелитых трофейных пушек. Однако слону не довелось забронзоветь. В 1813 г. на постамент был поставлен макет из дерева и гипса, да так там и остался. Зато гипсовый слон вошёл в литературу благодаря Виктору Гюго, который поселил в его чрево беспризорного отчаянного мальчишку Гавроша. А когда слона наконец снесли, оказалось, что его чрево облюбовали полчища крыс.

ИЮЛЬСКАЯ КОЛОННА

Единственный монумент на площади Бастилии сегодня – 52-метровая Июльская колонна, воздвигнутая в память о «трёх днях славы» (27 июля – 29 июля 1830 г.) во время Июльской революции. Открытие состоялось в 1840 г. Верх колонны украшает позолоченная статуэтка крылатого «Гения Свободы». Закон же о признании дня взятия Бастилии национальным праздником Франции был принят 6 июля 1880 года.

В наши дни всенародного праздника в стране правит бал новоизбранный французский президент-социалист Франсуа Олланд. Стоит напомнить, что в час победы Олланд общался с народом именно на площади Бастилии – за что, между прочим, заслужил немало нареканий: ведь над ликующей толпой тогда реяли не только трёхцветные штандарты, но и самые разномастные – вплоть до радужных!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

...Почему революция пожирает своих детей? Оттого, что старые формы правления (как это отмечали ещё Макиавелли и Токвиль) опирались на традицию, когда король – помазанник и тем самым легитимен изначально.

Но Людовик XVI утратил легитимность, когда пытался бежать в Австрию к врагу – австрийскому императору. Виною тому феодальный менталитет несчастного французского суверена, для которого австрийский император был прежде всего кузеном.

В процессе революции уже новые правители, в частности, Робеспьер, приобретали новую легитимность путём «волеизъявления народа» – а на самом деле черни и беснующихся фурий – «визальщиц Робеспьера». При этом «слугам народа» надо было постоянно доказывать свою легитимность – и чтобы удержаться на плаву, объявлять предшественников предателями. Робеспьер обезглавил «умеренного» (относительно, конечно) Дантона. А затем и сам «Непокупный» очутился на плахе под лезвием «ноу-хау» доброго доктора Гильотена. Основным аргументом для нью-легитимности стала «защита от иностранного вмешательства», когда выбрасывался лозунг «Отчечество в опасности!». Тот же метод легитимизации впоследствии унаследовали большевики, утверждавшие, что борются против Антанты.